

Глава первая

«Прожигатели жизни» в пьесах А.Н. Островского

1.1. Пародийный образ «красавца – мужчины», искателя богатых невест Мурзавецкого

Дворянин-военный нередко становился героем русских литературных произведений в XIX веке. Герои «Войны и мира», в частности, Денисов, напоминающий Дениса Давыдова, отражают распространенные представления о таком социальном типе как о человеке светском, бесшабашном, но благородном.

Островский, в отличие от многих своих коллег, никогда не идеализировал дворянина-офицера. Офицеры в его пьесах — это, во-первых, пародия на «классического героя — любовника, неотразимого для женщин, кутилы-гусара»¹. Таковы, например, Миловидов из пьесы «На бойком месте» и Мурзавецкий из пьесы «Волки и овцы». Миловидов изображен в более мягких комических тонах, чем Мурзавецкий. В фигуре Миловидова — «отставного кавалериста» — как сказано в перечне действующих лиц, в основном обыгрывается мотив врожденного благородства: не только мы узнаем в Миловидове «старого знакомого» по определенному набору качеств, но и сам он осознает себя, исходя из какого-то определенного, устойчивого образца — идеала Миловидова. Подтверждением тому может служить тирада, характеризующая его представления о своем «я»: «...у тебя душа

¹ Журавлева А.И. Драматургия Островского. М., 1974. С.97.

коротка, благородных чувств мало. Этак всякий бы... Ты вон дрянь какую-то куришь, сигарки дешевые. Уж коли ты мужчина, так кури трубку, хоть махорку, да трубку... Ну да что толковать! Во мне искра есть, а в тебе нет. Я лихой малый, душа нараспашку; кавалерист как есть; рубака, пьяница, а благородный человек; на ногу себе наступить не позволю»².

В «Волках и овцах» в резко сатирическом ключе показывается и сама личность героя, и традиционные атрибуты благородного дворянства: пристрастие к псовой охоте, кутежи, неотразимость для женщин, французский язык. Еще до появления Мурзавецкого мы узнаем от Павлина, слуги Мурзавецкой: «Одно место у них. Просто срам, сударь! В городе-то стыдятся; так возьмут ружье, будто за охотой, да на Раззорихе, в трактире, и проклажаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, уж можете судить, — в деревне, на большой дороге заведение, на вывеске: "Вот он!" написано. Уж так-то не хорошо, что и сказать нельзя. Дня по два там кантуют, ссоры заводят, — и что им там за компания! Барышня уж послали буфетчика Власа, велели их домой привезти» [Т.7]. Кутежи Мурзавецкого — это беспробудное пьянство в деревенском трактире, а пристрастие к псовой охоте подтверждается лишь существованием глупого пса Тамерлана, который как бы символизирует вырождение дворянства. Павлин говорит о нем: «И какой же это Тамерлан? Нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Тлезор, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай. Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникам яйца таскать, он другой науки не знает» [Т.7].

² Островский А.Н. Полн. собр. соч. в 16 томах. Т.7. М., 1949 – 1953. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

Из полка Мурзавецкого выгнали, причем, как говорит его тетка, «...кабы за молодечество за какое-нибудь: ну, растрать ты деньги казенные, проиграй в карты, — все б я тебя пожалела; а то выгнали свои же товарищи, за мелкие гадости, за то, что мундир их мараешь»[Т.7]. Свою неотразимость для женщин Аполлон считает очевидной: «Десять слов. Я больше с женщинами никогда не говорю. Десять слов, и довольно, готово, вот по сих пор... В реки бросаются, что за приятность»[Т.7]. Между тем «сватовство» Мурзавецкого сводится к тому, что он просит у Купавиной взаймы пять рублей. Великолепным дополнением к образу Аполлона служит его исковерканный французский язык.

1.2. Карикатурные образы лихих гусар, искателей богатых невест Вихорева, Дульчина, Прженева

По внешним признакам персонаж комедии «Не в свои сани не садись» Вихорев близок к типу «благородного героя»: здесь и неперемный французский язык, и светскость манер, и родовая гордость (Степан о Вихореве говорит: «...притом же горд. Кто я, да что я»)[Т.1]. Комически обыгрывается Островским и традиционный мотив — Кавказ, черкесы (Вихорев угрожает Авдотье Максимовне уехать на Кавказ, чтобы с горя искать смерти от черкесской пули).

От настоящего благородства старых гусар уже мало что осталось у Вихорева, он весь в долгах, промотал состояние и мечтает только о богатой невесте. Как офицер Вихорев особо не преуспел: «Где ему служить?». Вихорев, безусловно, ощущает щекотливость ситуации, в которой он оказался. Его дворянская гордость задета. Наивно он

пытается приукрасить свои меркантильные поиски так называемой «общественной пользой» в «некотором движении», которое создают подобные ему «люди образованные и со вкусом, но без средств». Немаловажной причиной представляет Вихорев и свой «меланхолический характер». «Мне и так все кажется в черном свете, а во время безденежья... ты себе и вообразить не можешь» [Т.1]. Очевидная беспомощность попыток Вихорева оправдать себя, их наивность, претенциозность создают комический эффект. Фраза Вихорева в сцене с Русаковым: «Да как же вы не поверите, когда я вам даю честное слово благородного человека» — оказывается в самом резком противоречии с поведением героя. То, что представитель «русской патриархальности» Русаков оказывается порядочнее, умнее Вихорева, — один из способов развенчания традиционного типа «благородного» дворянина у Островского.

Дворянский герой выступает как искатель богатых невест в нескольких пьесах Островского, например, в «Не сошлись характерами» и «Последней жертве». Постараемся выделить черты, объединяющие Вихорева, Прженева и Дульчина. Прежде всего это постоянные разговоры о своем врожденном благородстве, утонченности, превосходстве над окружающими (Прженев: «По рождению, по воспитанию, по знакомству, ну, наконец, по всему, — поглядите вы на меня с ног до головы, — я принадлежу к лучшему обществу...» [Т. 2]; Дульчин: «Я не ты, пойми! Рубли выпрашивать не умею») [Т. 8]. Вырождение подобного типа людей приводит к тому, что они начинают испытывать ужас перед возможностью потерять свое право на превосходство и начать вести образ жизни, «недостойный их». А эта возможность, как показывает Островский, реальна, так как положение

этих людей зависит не от достоинств родословной, а от денег. (Дульчин: «Мы люди с возвышенными чувствами и, чтобы удивлять мир своим благородством, нам недостает пустяков — презренного металла»[Т. 8]; Прежнев: «И чего мне недостает? Ведь это срам, позор! Мне недостает состояния»[Т. 2])

Барское презрение к труду слышится в их очень похожих репликах: «Домотался! Хоть в маркёры подавайся!»; «Что ж, в мещане, что ли приписаться? Сапоги шить?»; «Что ж, в яму садиться? А после мне что? Ведь я жил барски, ни в чем себе не отказывая, каждая моя прихоть исполнялась. Ведь мне ходить по Москве пешком в узеньких, коротеньких, да в твидовом пальто с разноцветными рукавами — это хуже смерти»[Т. 2].

Благородство, первейшее качество дворянского героя, теперь пересчитывается на деньги. Все три героя готовы продать свое благородство. В женитьбе на богатой видят они единственную опору для себя. Прежнев отвечает матери по поводу того, на ком ему жениться: «На ком хотите. Мне нужны деньги, чтоб быть порядочным человеком, чтоб играть роль в обществе, одним словом, чтоб делать то, к чему я способен...»[Т. 2] В стремлении сохранить свое «благородство» и приличие герои Островского совершают самые низкие поступки по отношению к женщинам.

1.3. Образы пореформенного дворянства, «прожигатели жизни», искатели богатых невест

Характерные черты образов Вихорева, Дульчина, Прежнева

получают свое логическое развитие в образах представителей пореформенного дворянства, «прожигателей жизни», «красавцев мужчин».

Таковы, например, Кучумов, Глумов и Телятев в «Бешеных деньгах». Эти персонажи олицетворяют старую Москву, они родовитые дворяне — при этом люди совершенно деградировавшие, аморальные. Так, Глумов с презрением бросает фразу: «Все эти кислые толки о добродетели глупы уж тем, что непрактичны»[Т. 5]. Но и практичными, дельными людьми их нельзя назвать. Внешне они постоянно чем-то заняты, но уже давно не способны к какому-либо делу, причем сами это понимают. Телятев: «Да оставимте лучше об уме говорить; а то кто-нибудь из знакомых услышит, смеяться станут. Умные люди сами по себе, а мы сами по себе. Значит, ум побоку. Ну его! Где его взять, коли Бог не дал!»; «У человека, которому делать нечего, всегда дел много!». Васильков презрительно отзывается о людях, подобных Глумову, Кучумову, Телятеву: «Да ведь у меня дела-то не то, что у вас, по улицам собак гонять»[Т. 5].

Все трое с трудом поддерживают видимость материального благополучия, ни у кого нет состояния, и все трое живут или мечтают жить за счет женщин — родственниц и «благодетельниц». Опустошенность этих людей ярко характеризуют их отношения с Лидией Чебоксаровой, за которой все трое ухаживают, но вяло, без тени малейшего сердечного чувства, бесцветно и откровенно цинично³.

Пьесу «На всякого мудреца довольно простоты» связывает с «Бешеными деньгами» не только общее сатирическое направление, но и герой — Егор Дмитриевич Глумов. Если в комедии «На всякого мудреца

³ Оснос Ю.А. В мире драмы. М., 1971.

довольно простоты» мы видим Глумова, противопоставленного московскому обществу, умного, энергичного, то в «Бешеных деньгах» он сам является рядовым членом этого общества, погас, уже не стремится сделать карьеру. Цель его стала более скромной: приобрести капитал за счет какой-либо «благодетельницы». Вот как он, например, отвечает на вопрос, сколько у него денег: «Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно». От прежнего Глумова в «Бешеных деньгах» осталась только страсть к интригам и колкости в адрес других. Как и в «На всякого мудреца...», Глумов приводит действие в движение, но уже не в силах подчинить своей воле события. В своей самоуверенности он оказывается менее проницательным, чем Телятев, который сумел разглядеть за внешней простотой внутреннюю силу и преимущество Василькова. Глумов же с презрением относится к деятельности Василькова и подобным ему дельцам, он не верит в нее: «Он, кажется, новой отраслью промышленности занялся, шёлком торгует... В хороший день рублей пять выторгует»[Т. 5] Интриги Глумова, в основном, объясняются просто бессильной злобой его, ему лично они ничего не дают. Придя к замужней Лидии и застав там уже и Телятева и Кучумова, он решается на очередную интригу: «Да, я вас позабавлю! Ай, Лидия Юрьевна, браво! Я еще только задумал подъехать к ней с любезностями, а уж тут двое. Теперь остается только их сравить всех втроем, и с мужем»[Т. 5].

Подробное сопоставление образов Глумова в двух пьесах Островского было осуществлено С.А.Фомичевым, обратившим внимание на то, что в более ранней комедии «На всякого мудреца довольно простоты» на место «нового хозяина жизни», в «Бешеных деньгах» с успехом занятое предпринимателем Васильковым, претендовал Глумов. Будучи гением в своем роде — «гением»

приспособленчества — Глумов, однако, не может претендовать на серьезную социальную роль, хотя сам этого не осознает. Падение героя наглядно подчеркивается тем, что роль «интимного секретаря» у одной пожилой дамы, которую он вынужден в конце концов занять, — это то, над чем он когда-то глумился, обольщая Мамаеву. Доказательством бессилия Глумова, по мнению исследователя, служит то, что, интригуя против Василькова, он, в сущности, действует ему на пользу⁴.

«Князинька» Кучумов воплощает наиболее характерные черты важного барина. Образ этот самый комичный в пьесе: «Он человек очень хороший... Мы все его любим; только он забывчив очень. У него точно было большое состояние, но он часто забывает, что все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обеды, и балы, и ужины, и великолепные экипажи, только все это женино, и все еще при жизни отдано племянницам. А ему собственно выдается деньгами не более десяти рублей на клуб. В именины и в праздники дают ему пятьдесят, а иногда сто рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него! Приедет в клуб, садится в конце стола, тут у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а как разборчив! Прислугу всю с ног собьет, человек пять так и бегают около него. А уж что достается бедным поварам!» (Телятев о Кучумове). Обнищавшее дворянство пытается ещё поддержать внешний лоск, а выглядит это смешно и нелепо. Комична преувеличенная надменность Кучумова («Я тоже сделаю вам честь, выпью с вами»; «Моя жизнь слишком дорога для Москвы, чтоб поставить ее против вашей, может быть, совсем бесполезной»)[Т. 5] Разыгрывая из себя богатого покровителя, Кучумов в конце концов не только оказывается абсолютно

⁴ Фомичев С.А. «Горе от ума» в наследии Островского // Островский и литературно-театральное движение 19-20 вв. Л., 1974.

несостоятельным, но и проявляет совершенно примитивную прижимистость («Кучумов неделю тому назад, вместо того, что обещал привезти на новоселье, дал мне только шестьсот тринадцать рублей, и то с такими гримасами, с такими ужимками, как будто он делает Бог знает какое одолжение»). Еще один штрих добавляет Островский к портрету Кучумова: Кучумов, дряхлый старик, становится избранником молодой, красивой Лидии. Это выглядит особенно отвратительно, учитывая, что он пытается демонстрировать благородство чувств: «Уж позвольте мне заменить Лидиньке отца на время его отсутствия. Я знаю ее с детства и люблю, поверьте мне, больше, чем дочь... люблю... да»[Т. 5].

Из всех троих только Кучумов не видит необратимых перемен, поразивших его сословие («Да! Наше общество слишком взыскательно, слишком высоко, довольно трудно попасть новичку; много, много надо иметь...»[Т. 5]). Но веяние нового времени ощущает и он: «Толкует все: "нынешнее время, да нынешнее время". А что такое нынешнее время, лучше ль оно прежнего? Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых. Где роговая музыка, я вас спрашиваю? А, бывало, на закате солнца, над прудами, а потом огни, а посланники-то смотрят. Ведь это слава России» [Т. 5].

Телятев — единственный персонаж в комедии, которому автор симпатизирует. В мире, где все мысли и чувства героев подчинены погоне за деньгами, он один к ним совершенно равнодушен. Но легкость, с которой Телятев освобождает других от денежных обязательств, говорит не только о его бескорыстии, но и о привычке жить на чужой счет.

Вот характерный диалог:

«В а с и л ь к о в . Но ведь надо же будет платить наконец.

Телятев. А вам-то какая печаль! Что вы уж очень заботливы! Вот охота лишнюю думу в голове иметь! Это дело предоставьте кредиторам, пусть думают и получают, как хотят. Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, их дело уметь получить»[Т. 5].

Давая деньги Василькову, в чем, как и во многих других ситуациях, проявляется доброта Телятева, он сам объясняет это, отчасти правильно, так: «Я просто предлагаю тебе деньги, по доброте сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности: когда есть деньги, давай первому встречному, когда нет — занимай у первого встречного».

Телятев наделен насмешливым, ироническим умом, но эта ирония отлична от злой насмешки Глумова. Его проницательность позволяет верно оценить не только окружающих, но и самого себя. Он говорит о себе, что «бездельник» и «уж так устроен для услуг. Это мое призвание. Что мне делать, больше у меня даже и никого нет». Его оценки Глумова, Василькова, Кучумова верны, в них слышится авторский голос. Именно Телятев понял, что будущее за Васильковым: «Не ошибись. Поверь мне, что он женится на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. Мне страшно его, точно сила какая-то идет на тебя». «Он не только богаче всех нас, но так богат, что подумаешь — так голова закружится. Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет»[Т. 5]. А когда Глумов предлагает ему разыграть Василькова и Чебоксаровых, сыграть «комедию». Телятев верно предчувствует: «Только в твоей комедии комические роли, пожалуй, достанутся нам»[Т. 5] Он раньше всех сумел почувствовать суть происходящих перемен: «Теперь и деньги-то умней стали, все к деловым людям идут, а не к нам. А прежде деньги глупей были. Вот именно такие деньги вам и нужны... Бешеные. Вот и мне доставались все бешеные, никак их в кармане не удержишь. Знаете ли, я

недавно догадался, отчего у нас с вами бешеные деньги? Оттого, что не мы сами их наживали. Деньги, нажитые трудом, — деньги умные. Они лежат смирно. Мы их маним к себе, а они нейдут; говорят: "Мы знаем, какие вам деньги нужны, мы к вам не пойдем". И уж как их ни проси, не пойдут. Что обидно-то, знакомства с нами не хотят иметь»[Т. 5].

Широта натуры Телятева, его щедрость, способность сочувствовать — качества, которыми герой обязан дворянской среде, но Островский показывает и другую сторону дворянского героя. Праздное существование сделало Телятева не способным к какой-либо деятельности, совершенно ненужным (Глумов: «Кому и для чего ты можешь быть нужен!»[Т. 5]), породило безответственность и безволие. Телятев не сопротивляется обстоятельствам, не умеет управлять своими желаниями и поступками, легко подчиняется воле сильного человека. Так, после нескольких минут колебания он поддерживает «комедию» Глумова, хотя чувствует неправильность этой затеи. Лидия метко характеризует Телятева: «Вы такой добрый... но вы такой развратный человек»[Т. 5].

1.4. Современная Островскому критика о комедии «Бешеные деньги»

Комедия «Бешеные деньги» с ее сатирическим изображением пороков дворянства — одно из самых значительных произведений драматурга. Хотя современная Островскому критика пьесу не одобрила, прежде всего из-за непонятной для нее сложности образа Василькова (о чем мы подробнее будем говорить в третьей главе), типичность Глумова,

Кучумова и Телятева была очевидна даже для тех, кому комедия в целом не понравилась: в отрицательной рецензии газеты «Голос» Телятев назван «лицом, знакомым всем» (1870, №11). Особенно подробно герои Островского обсуждались в статье «Великосветское общество в комедии «Бешеные деньги»», помещенной в «Одесском вестнике» за 1870 год: «Характерная особенность светских людей — отсутствие всякого серьезного интереса к жизни, всякого дела. Они живут каким-то особым замкнутым кружком, в который, по уверению Кучумова, трудно попасть. Все больные вопросы общества проходят мимо них, — об этом великосветские люди не имеют понятия... Настоящий... труд они безапелляционно отрицают... Они вечно заняты, несмотря на свое безделье... Скука, пустота, требующая наполнения хоть чем-нибудь. Средств не хватает, большинство на волоске от полного разорения... Светская жизнь с внешней стороны почти не изменилась, но внутренние её основы до корня расшатались... цинизм во всем...». Телятева «...заела среда. В нем воплощены все громадные пороки и крошечные остатки добродетели всего типа»⁵.

1.5 Персонаж комедии «Бедная невеста» Мерич - пародия на лермонтовского героя

Одна из самых резких и смелых пародий на дворянского героя, предложенных Островским, — это Мерич из «Бедной невесты». Если персонажи, рассмотренные нами выше, в сниженном виде

⁵ Цит. по: Зелинский В.А. Критические комментарии к сочинениям А.Н.Островского. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Ч.4. М., 1914, с.2-14. Упоминаемые выше критические статьи современников Островского также были перепечатаны в сборнике Зелинского.

воспроизводили отдельные черты дворянского героя вообще, то Мерич пародирует героя вполне конкретного и читателем любимого - лермонтовского Печорина.

Персонаж комедии «Бедная невеста» Мерич — пародия на лермонтовского героя. Подробный анализ пародийных черт в образе Мерича содержится в работах А.И.Журавлевой⁶. Переживание феномена загадочности героя в творчестве Лермонтова переосмысливается Островским в ироническом плане. Вероятно, здесь можно говорить как о критическом отношении и к самому методу изображения (героя — феномен — загадка), так и к самому герою Лермонтова. Конечно, Мерич не Печорин, резкие уже внешние отличия персонажа Островского от Печорина проявляются даже в речи. Но в задачу Островского и не входило состязаться с Лермонтовым и Пушкиным в разработке характера «лишнего человека». Для возникновения аллюзии достаточно намека — фамилии и особенно ситуации с записями. В.Я.Лакшин напоминал, что в первоначальной редакции фамилия Мерича выглядела как Зорич, а сам литературно-полемический характер пьесы был ещё откровеннее. Марья Андреевна держала в одной из сцен в руках книгу Лермонтова, а Мерич (в первой редакции — Зорич), сыпал печоринскими рассказами о легких победах над женским сердцем⁷.

Итак, дан определённый набор характерных черт, деталей, ситуаций, показанных с позиций неприятия, развенчивания мнимой значимости. Мерич появляется в пьесе «такой печальный, задумавшись». И сразу

⁶ Журавлева А.И. Печорин и печоринство в 1840 — 1850-е годы: (Жизнь литературного образа в истории) // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.9, Филология. М., 1991. № 6; Журавлева А.И. "Бедная невеста" в творческой эволюции Островского // Щелыковские чтения 2006. В мире А.Н.Островского. Кострома, 2007.

⁷ Лакшин В.Я. Поиски молодого Островского. Кострома, 1974. С.17.

завязывается любовная интрига. Очень скоро нам становится ясна фальшивость положения Мерича — оно слишком откровенно близко положению Печорина у Лермонтова.

Мерич представляет себя в качестве человека, неотразимого для женщин. Отсюда его намёки на прошлые страдания, трагическую любовь: «Я помню другую такую женщину, она умерла». Но эти слишком откровенные и частные признания в своей неотразимости в сочетании с высказываниями о нем Милашина и Хорькова показывают истинную цену слов Мерича. Харьков: «Я его давно знаю. Он ещё мальчишкой был, сам к себе письма писывал, да хвастался товарищам в пансионате, что он барышень получает» [Т. 1].

Так называемая общественная позиция Мерича внешне выглядит совсем по-печорински. Об этом Островский говорит словами Марьи Андреевны: «Он, бедный, нигде не находит сочувствия оттого, что он выше всех стоит. Ему душно в этом обществе, ему все завидуют» [Т. 1].

Об усталости, неудовлетворённости жизнью говорят реплики Мерича: «...Много я пережил...», «...я уж и так измучен жизнью» [Т. 1].

Образ Мерича дополнен необходимой деталью, ореолом «загадочного героя» — это его дневник, который он обещает принести Машеньке.

Сама ситуация с Меричем тоже опирается на ситуацию романа Лермонтова: внутреннее «я» героя показано через его любовные чувства. В пьесе дана только внешняя видимость их чувств, как и все, что связано с Меричем. Комизм, с которым изображен Мерич, столкнувшийся с необходимостью действовать, отстаивать своё счастье и отвечать за свои слова, его трусость, по-детски наивный эгоизм завершает этот образ как образ пародийный, где внешнее, подчеркнутое сходство Мерича с героем

Лермонтова как нельзя более убедительно показывает, что между этими героями принципиальная разница.

Прижизненная критика Островского в основном положительно оценила образ Мерича. Добролюбов писал в статье «Темное царство» о Мериче: «...для нас это лицо изумительно по мастерству, с которым Островский умел в нем очертить приличного, не злого, не отвратительного, но с ног до головы пошлого человека»⁸.

Ап. Григорьев в отзыве на пьесу, помещенном в журнале «Москвитянин» за 1853 год, пишет, что образы Милашина и Мерича превосходны как задачи. Но что они не вызрели достаточно в душе художника. Критик отмечает, что «к Меричу, а равно и к Милашину отнесся автор в высшей степени правильно»⁹.

Пустоту и фальшивость природы Мерича отмечает И.С.Тургенев в статье «Несколько слов о новой комедии г.Островского «Бедная невеста»: «Мерич... щеголяет своими победами и вообще, порядочный фат, хотя труслив и осторожен до крайности». Тургенев отмечает, что пошлость и эгоизм — основные качества Мерича.

Подробную характеристику Мерича поместили в 1852 г. «Отечественные записки» в статье «Бедная невеста». «...Это пустой, мелкосветский фат и эгоист, смазливый собою. Он любит красоваться своими чувствами, но не способен к истинному чувству. Вся цель его — прославиться победами, часто небывалыми, над женским сердцем... Но... он только может прикидываться влюбленным, набрасывать на себя задумчивость, страдания и разочарования; но лишь только дело коснется мало-мальски серьезного обязательства, осторожный и серьезный эгоизм

⁸ Добролюбов Н.А. ПСС. Т.5. М.-Л., 1962. С.129.

⁹ Цит. по: Зелинский В.А. Критические комментарии к сочинениям А.Н.Островского. М., 1894. Ч.1. С.130.

его бьет отступление»¹⁰.

В статье отмечается двойное сходство Мерича с «дворянским героем»: сцена свидания Марьи Андреевны с Меричем перед ее свадьбой напоминает сцену свидания Онегина и Татьяны.

Сходство Мерича с Печориным расценивалось как намеренное нападение на Печорина. «Критики ...силятся сбить с пьедестала тот кумир, перед которым усердно кувыркались... Надобно было...создать лицо, щеголяющее фразами, которые лежали подле печоринских, и отражающее в себе печоринский элемент. И вот из-под мантии великана вылезла букашка Мерич...»¹¹.

А.И.Дубинская, характеризуя подобный тип героя Островского, справедливо отмечает, что Мерич, Прежнев, Вихорев, Дульчин, Окаёмов — все они воспитаны в привычке к праздной светской жизни и стремятся подороже продать свою «волюшку» и непременно жениться на богатой¹².

Итак, можно сказать, что в изображении Островского оказались резко сниженный, переосмысленной прежде всего фактура, то есть внешний облик и бытовые привычки дворянского героя, желающего жить и выглядеть как человек «светский». Пристрастие к блестящим внешним формам жизни в пьесах Островского свойственно почти исключительно персонажам, паразитирующим на других, не гнушающимся иногда почти что криминальными способами добывать деньги. Кроме того,

¹⁰ Цит. по: Зелинский В.А. Критические комментарии к сочинениям А.Н.Островского. Ч.1. М., 1894. С.102-103.

¹¹ Там же. С.114.

¹² Дубинская А.И. Драматическое мастерство Островского. М., 1974. С.222.

само представление о внешнем «блеске» часто оказывается резко упрощенным, карикатурным (Мурзавецкий). Одна из главных черт «высокого героя» - его неперенное участие в драматических любовных историях, его обаяние, привлекательность для женщин – превращается у персонажей Островского в стремление жить за счет женщин. Так дворянский герой лишается своего романтического ореола.

